

предпринимает, чтобы предотвратить грозящую ему беду; „духом разгоряся божественным“, он утешает себя в ожидании смерти, подобно Игорю Ольговичу, благочестивыми размышлениями о неизбежности принять мученическую кончину для каждого, кто хотел бы, подражая Христу, „положить душу свою за друг свой“. И в той и в другой повести убийцы набрасываются на беззащитного князя, „яко зверье сверепии“, „яко зверье дивии“. Смертельно раненый герой обличает убийц; Игорь Ольгович, обращаясь к ним, восклицает: „О законопреступници, врази, всея правды Христовы отметьници! Почто яко разбойника хотите мя убити?..“; Андрей Боголюбский: — „О горе вам, нечестивии! Что уподобитесь Горясеру (убийце святого Глеба)! Что вы зло учиних?..“ И в той и в другой повести подчеркнуто, что героя убивают в два приема: напав на князя и ранив его, убийцы думают, что князь убит, но затем они убеждаются в своей ошибке; обнаружив, что князь еще жив, они добивают его (Андрею Боголюбскому обстоятельство это дает возможность произнести длинный монолог). Умирая, Игорь Ольгович и Андрей Боголюбский произносят одни и те же слова; Игорь Ольгович: „Владыко, в руде твои предаю тебе дух мой; прими в мир твой душу мою“; Андрей Боголюбский: — „Господи, в руде твои предаю тебе дух мой“.

Источник этой схемы совершенно очевиден: это популярное в XII в. „Сказание“ о Борисе и Глебе. К „Сказанию“ восходят даже некоторые мелкие детали и той и другой повести. Рассказывая о том, как некто Михаил старался защитить Игоря Ольговича, автор повести упомянул, что убийцы, когда стали бить и его, желая оттащить его от Игоря, — „отторгоша хрест на нем и с чепьми, а в нем гривна золота“; не подлежит сомнению, что подробность эту автор повести отметил только потому, что она напомнила ему соответствующий эпизод „Сказания“ о Борисе: „гривну золоту“ носил на шее и тот отрок Георгий, который безуспешно пытался спасти Бориса; „гривна“ эта тоже привлекла внимание убийц; они убили отрока и даже отсекали ему голову, чтобы сорвать с него это ценное украшение.¹ „Сказанием“ о Борисе несомненно навеяна и одна мелкая подробность в повести об Андрее Боголюбском: Андрей, раненый, выбегает из своей опочивальни — „в оторопе“ так же, как и Борис из шатра, когда был ранен убийцами („искочи из шатра в оторопе“).²

По одной и той же схеме в значительной степени построены и повести о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида. Объединенные замыслом дать „идеальный“ образ князя-правителя, и жившего и умершего во благочестии, все эти повести, за исключением разве повести о смерти Мстислава, несколько слабее остальных задетой агиографической стилизацией, характеризуются нагнетением деталей, под-

¹ С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). У Києві, 1928, стр. 145—146.

² С. Бугославський, стр. 145.